

84P7 Ур21

К78

Владислав КРАПИВИН

Избранное

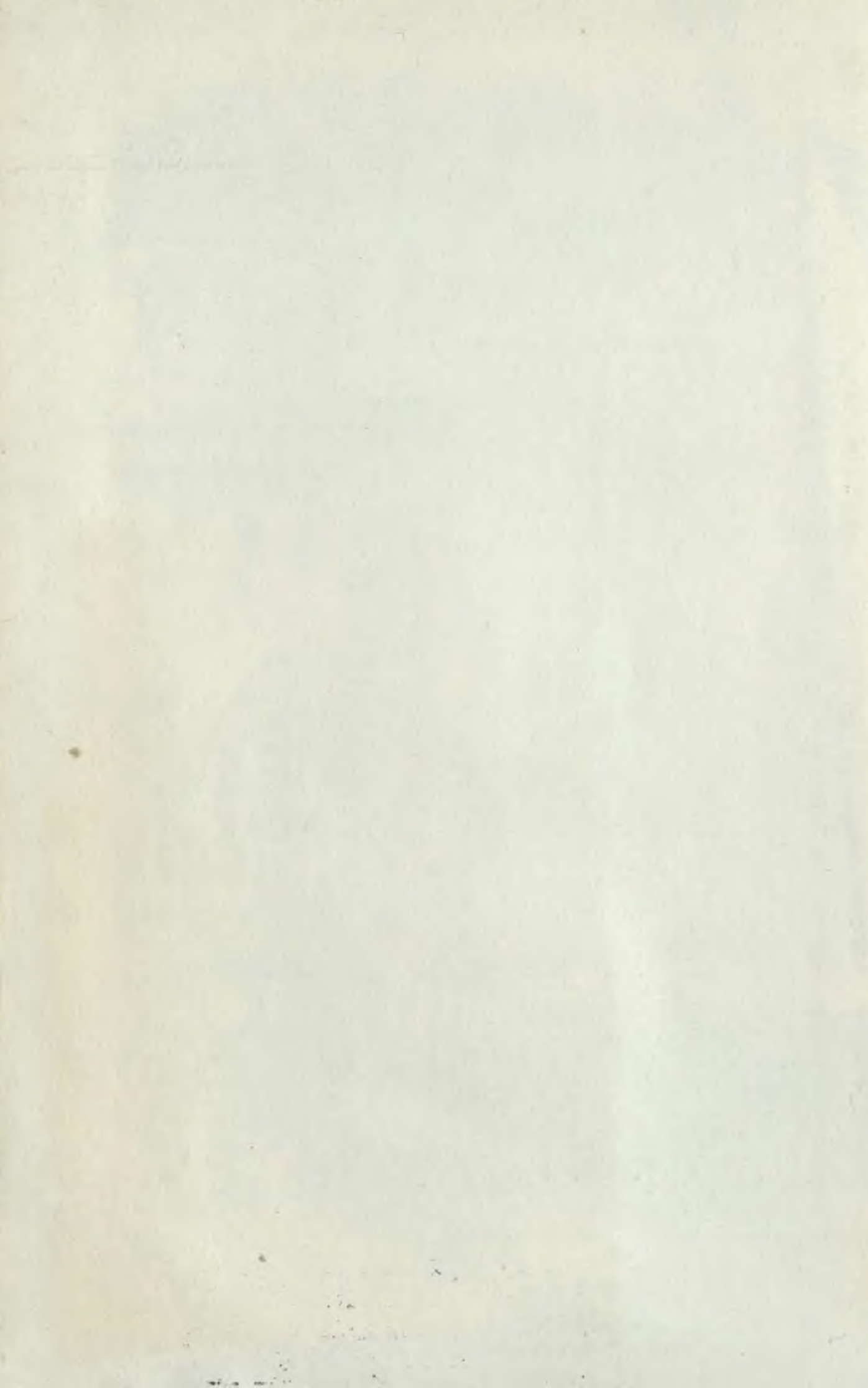

413258
СЭМ в 10
Отечл храня

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

84P7

K78

Владислав КРАПИВИН

Избранное

в двух томах

ТОМ

II

413258

МОСКВА

«Детская литература»

1989

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

ББК 84Р7

К77

Художник

Е. МЕДВЕДЕВ

Крапивин В. П.

К77 Избранное в 2-х томах.— М.: Дет. лит., 1989.—
Т.2/Худож. Е. Медведев.—400 с.: ил.— (Библиотечная серия).

ISBN 5-08-000483-5

В повести-сказке «Летчик для особых поручений» идет речь о светлом и сложном мире чувств современного мальчишки. В повести «Трое с площади Карронад» и цикле рассказов «Победители» — о дружбе ребят, увлеченных морем, об отзвуках войны, которые еще дают о себе знать.

К 4803010103-325 224-89
М101(03)-89

ББК 84Р7

ISBN 5-08-000483-5

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

Глава первая

Весной Алешкины родители получили новую квартиру. Хорошую, на пятом этаже. Из окна виден был весь квартал с большими домами, а дальше — старые домики в конце улицы. Улица называлась Планерная.

Раньше на этом месте был спортивный аэродром. Летом он зарастал полевой кашкой, подорожником и всякой травой, у которой никто не знает названия. На краю летного поля густо росла полынь. В полыни стоял грузовичок с мотолебедкой. Лебедка мотала на барабан тонкий трос и затягивала в небо разноцветные планеры. Так же, как мальчишки запускают на нитках воздушных змеев.

Про это Алешке рассказывали ребята, которые жили здесь раньше, в старых домах. А Валерка Яковлев рассказал совсем удивительную историю: будто однажды на аэродром приземлился настоящий самолет. Это был двухместный самолетик с оранжевыми крыльями, серебристым фюзеляжем и красными цифрами на борту. Видимо, что-то случилось в моторе, и надо было срочно опуститься, а летчик не знал, где удобнее сесть. Он кружил, кружил над аэродромом. Тогда Валерка выбежал на поле, упал на траву и раскинул руки буквой Т. Буква Т — это посадочный знак. Валерка показал, как самолету лучше зайти против ветра. Летчик посадил машину, покопался в моторе, а потом спросил:

— Хочешь, прокачу?

Валерка сказал, конечно, что хочет, и летчик посадил его в

заднее кресло и сделал над полем три круга. Никто из ребят Валерке не верил, даже старожилы. Но Алешка верил. Ему нравилось верить всему интересному и хорошему.

Он потом часто вспоминал этот рассказ и потихоньку завидовал. А один раз Алешке даже приснилось что-то похожее. Не совсем похожее, но тоже самолет и поле. Над полем висела теплая ночь с большими звездами, и только у самого горизонта светилась закатная полоса. На ней черным рисунком выделялись головки и стебли высокой травы. Там стоял маленький самолет. И Алешка бежал к нему по пояс в траве и очень боялся, что самолет улетит без него.

Потом у Алешки сложились такие стихи:

Мне снилось, что ждет меня
Самолет —
Ночной самолет без огней.
В кабине нервничает пилот,
Погасший окурок сердито жует
И хмурится все сильней.

И я тороплюсь, я бегу к самолету.
Скорее — в тревогу ночного полета.

Пилот говорит: «Я чертовски спешу.
Садитесь скорей, полетим.
Наденьте, пожалуйста, ваш парашют:
Опасности будут в пути».
Какие?

Узнать я уже не успел.
Проснулся...
За окнами утренний город шумел.
И сон не вернулся...

Это были серьезные стихи, и Алешка записал их в толстую тетрадку. Он записывал туда все свои стихи, которые получались серьезными. Например, про собаку, как она потерялась и не могла найти хозяина, про мальчика, которого насильно учат играть на скрипке, а он хочет быть не музыкантом, а путешественником.

Ну и разные другие.

Тетрадку Алешка никому не показывал. Стеснялся. И вообще это была его тайна. К тому же на одной из последних страниц написал он такие строчки:

Машка,
Ты — как ромашка в траве.
Добрая, веселая, славная.
Как хорошо, что на свете ты есть.
Это самое главное.

Понятно, что такое стихотворение не очень-то будешь показывать. Но Алешка не скрывал, что умеет сочинять стихи. Какие-нибудь смешные строчки для стенгазеты или считалку для игры в пряталки — это пожалуйста.

А один раз он сочинил стихи про принца. Про того принца, который из сказки «Золушка». Из-за этих стихов он поссорился с Олимпиадой Викторовной.

Вот с этого случая и начинается история про путешествие с Зеленым билетом, про Алешку и Летчика и про многие удивительные дела.

Олимпиада Викторовна руководила детским драмкружком. Драмкружок занимался в красном уголке домоуправления. Это называлось «работа с детьми по месту жительства». Олимпиада Викторовна была пенсионерка. А раньше она долго работала в театре. Костюмером. Она могла бы работать артисткой, но ей помешала одна беда: за всю жизнь Олимпиада Викторовна не научилась выговаривать букву «р». Вместо «р» у нее получалось что-то среднее между «в» и «у». Например, со слесарем дядей Юрой она разговаривала так:

— Безабуазие! Когда отвемонтивуют батауеи? В помещении уголка невозможно уаботать!

Дядя Юра, человек не робкий и даже нахальный, при таких словах съеживался и бормотал:

— Будет сделано. Сегодня же доложу управляющему. Сию секундочку.

А Олимпиада Викторовна, прямая, высокая и суровая, продолжала:

— Я не могу воспитывать в детях чувство пвекуасного, когда в помещении сывость! Мы совдем пвемьеву, и виноваты будете вы!

При последнем слове она устремляла вслед дяде Юре худой, отточенный, как карандаш, палец, словно хотела пронзить несчастного слесаря насквозь.

Драмкружок готовил к постановке пьесу «Золушка». Золушку играла Маша Березкина. Ну, та самая, про которую стихи. Они с

Алешкой учились в одной школе: Алешка — в пятом «В», а Маша — в пятом «А». Классы-то разные, и Алешка с ней познакомиться как следует в школе не мог. А во дворе Маша появлялась редко, потому что занималась еще музыкой и фигурным катанием.

И вот, когда начались летние каникулы, Алешка узнал, что Маша записалась в драмкружок, и сразу тоже записался.

Он очень надеялся, что Олимпиада Викторовна даст ему роль принца. Дело в том, что принц в пьесе должен был сражаться на шпагах с разбойниками, которые хотели похитить Золушку. А как сражаться, Алешка знал. В той школе, где он учился раньше, была секция фехтования, и он там немного занимался (жаль, что пришлось уехать).

Но Олимпиада Викторовна сказала, что Алешка будет играть стражника у ворот королевского дворца. А принцем назначила совсем другого мальчишку. Он выше Алешки и старше, перешел уже в восьмой класс.

Этот принц почему-то всем нравился. Говорили, что у него «прекрасные актерские данные». Никаких таких данных Алешка не замечал. Зато когда принца одели в принцевский костюм, Алешка увидел, что он чересчур худ и ноги у него слегка кривые. И шпагу носить он не умеет. Алешка ушел за кулисы и вполголоса сказал:

— Пуинц квивоногий... Шпага висит, как зонтик на торшере.

И тут он услышал смех. Это Маша смеялась. Оказывается, она рядом была. Она смеялась негромко, но весело. А потом взяла Алешку за локоть и хорошо так сказала:

— Ой, Алешка, да брось ты расстраиваться. Больно надо. Из-за какого-то принца. Мне с ним полпьесы играть придется, а я и то ничего, терплю.

Алешка чуть не завопил от радости. Ну, он не завопил, конечно, а только заулыбался: все, мол, в порядке, я и не думаю огорчаться. И такой он был счастливый, что согласился идти с Олимпиадой Викторовной за старыми шляпами. Тут оказалось, что Маша тоже пойдет.

Шляпы нужны были для королевских гвардейцев, для придворных, для толстого кучера, которого волшебница сделала из крысы. Где наберешь столько шляп? Но Олимпиада Викторовна знала где. Она сообщила, что у нее есть хорошая знакомая («давняя подвуга»), которую зовут Софья Александровна. Раньше она тоже работала костюмером, а теперь уже не работает. Но и

раньше, и сейчас — всю жизнь — занята она важным делом: собирает шляпную коллекцию. Всяких шляп у нее больше тысячи. Коллекция такая знаменитая, что про нее писали даже в журнале «Театральный сезон». Иногда к Софье Александровне приезжают представители разных театров и студий, советуются с ней, просят для своих постановок шляпы. Советы Софья Александровна дает охотно, а шляпы не очень, потому что три года назад местный ТЮЗ потерял у нее испанскую треуголку.

— Но нас она, безусловно, вывучит, — сказала Олимпиада Викторовна (разумеется, она хотела сказать «выручит»). — Она нас вывучит, потому что мы ставые двузья.

И они отправились.

По дороге Олимпиада Викторовна рассказала Маше и Алешке, что живет Софья Александровна в Лопуховом переулке, в старом домике на краю оврага. Много раз ей предлагали переехать в новую квартиру, но она не хочет. Боится, что при перевозке могут потеряться и попортиться шляпы. А кроме того, у Софьи Александровны живут четыре кота: Кузя, Батончик, Васька и Матадор. Софья Александровна в них души не чаёт. Она очень боится, что новая квартира не понравится котам.

— Конечно, это может показаться смешным, — заметила Олимпиада Викторовна, — но мы должны быть снисходительны к людским слабостям.

При этих словах она почему-то строго взглянула на Алешку. Но он не обратил внимания. Он шагал, глядя на Машу, и думал, улыбаясь: «Машка-ромашка, а ты славная, это — главное...»

Был жаркий веселый июньский день, золотистые волосы Маши горели под солнцем, и она тоже была веселая. Шла вприпрыжку и гнала по асфальту блестящую пробку от лимонадной бутылки.

Глава вторая

Домик стоял у самого откоса. Когда-то в давние времена он был неплох, но сейчас очень состарился и так глубоко ушел в почву, что стекла блестели у самой земли, узорчатые носы водосточных труб уткнулись в траву, а у двери вместо крыльца была выемка.

На стук вышла сухонькая остроноса старушка.

— Соничка! — воскликнула Олимпиада Викторовна и устремилась к хозяйке дома. — Как я уада!

Но Софья Александровна, кажется, не была рада. Она смотрела так горестно, что Олимпиада Викторовна споткнулась на полпути.

— Соничка, двуг мой! Что случилось?

— Ох, Липочка, — сказала Софья Александровна и всхлипнула. — Кузю украли...

— Не может быть!

Старушка развела руками.

— Не может быть, — решительно произнесла Олимпиада Викторовна. — Он где-нибудь гуляет, только и всего. Можно ли, Соня, так убиваться!

— Ах нет, он не гуляет! Он никогда этого не делал. Он всегда приходил домой вечером, а сейчас его нет уже третий день. Я звонила в милицию, но они не хотят искать и, кажется, даже смеются.

— Какое бессеудечие, — сказала Олимпиада Викторовна. — Но, Соня... Надо ли так мучить себя? Ведь у тебя еще тви кота. Пвекуасные экземпляуы.

Софья Александровна слабо отмахнулась:

— Ах, эти экземпляры... Они все время дерутся... Конечно, я их очень люблю, но Кузя лучше всех. Такой ласковый, такой милый... Впрочем, входите, пожалуйста, — спохватилась она. — Что же это я...

В большой низкой комнате пахло нафталином, сыростью и кошками. В маленькие окна косо падало солнце и отражалось от желтого пола. Тускло поблескивали запылившаяся хрустальная люстра под потолком и серебряные ложечки в старинном буфете.

— Садитесь, пожалуйста, — вздохнула Софья Александровна.

Но садиться было некуда. На стульях и в креслах лежали шляпы. И вообще шляпы были везде: выглядывали с полок, висели на гвоздях, громоздились на шкафах, пирамидой вздымались на старом пузатом комодe. Высоченные шелковые цилиндры, треуголки суворовских времен, соломенные канотье, мексиканские сомбреро, тирольские шляпчонки с фазаньими перьями, мушкетерские шляпы с плюмажами...

— С ума сойти, — шепотом сказала Маша.

— У нее здесь, наверно, даже шапка-невидимка есть, — тихонько откликнулся Алешка.

Олимпиада Викторовна подтолкнула Машу и Алешку вперед: — Вот, Соничка, два моих юных таланта. Мы к тебе по делу... «Таланты! — сердито подумал Алешка. — Принц у тебя талант, а я нужен, только чтобы шляпы таскать». Но вслух, конечно, ничего не сказал. Стоял и оглядывался.

Кроме шляп, в комнате были и другие интересные вещи: бронзовый подсвечник с синими стеклянными подвесками, старинный граммофон с огромной трубой-репродуктором, треснувшая фарфоровая статуэтка — разноцветный гном, который наполовину вылупился из яйца, похожего на гусиное.

Статуэтка стояла на комод, рядом с грудой шляп, среди каких-то лоскутков и пожелтевших кружев. Алешка шагнул поближе, чтобы как следует разглядеть гнома.

И неожиданно он увидел за шляпами угол стеклянного ящика. Вроде как аквариум.

«Неужели здесь рыбы живут, в такой темноте?» — подумал Алешка. Он осторожно отодвинул серую ковбойскую шляпу, чтобы разглядеть аквариум. И тут вся шляпная пирамида развалилась и посыпалась на пол.

Но Алешка был не виноват! Из-под шляп выскочил встрепанный рыжий кот. Он скачками перелетел комнату и катапультировал в окно.

— Батончик! — заохала Софья Александровна. — Что с тобой? Ох, батюшки, нет мне с вами покоя.

Алешка и Маша бросились подбирать шляпы.

— Ничего, ничего, — приговаривала Софья Александровна. — Батончик, безобразник, развалил... Какие славные дети... Вот сюда эту шляпку, мальчик...

А на комод, освобожденный из плена цилиндров, котелков и треуголок, блестел стеклянный ящик. Это был не аквариум. Это был прозрачный футляр, и в нем на бронзовых подставках стоял парусный корабль. Маленький, размером с ковбойскую шляпу, но совершенно как настоящий.

Алешка грудью лег на комод и позабыл про все на свете.

Не думайте, что Алешка мечтал стать капитаном или путешественником. Нет, у него была другая мечта. Но море Алешка любил. В прошлом году он побывал в Крыму и не мог забыть с той поры синие горизонты, набег зеленоватых волн и громадные форштевни парусных кораблей над пирсами. Ну а еще он любил, конечно, книжки про пиратов, про приключения и парусные корабли.

И, глянув на модель, Алешка сразу понял, что это клипер: у корабля был длинный бушприт над острым носом, три высокие мачты с прямыми парусами, узкий стремительный корпус. Он блестел ореховым лаком бортов и тонкой медной обшивкой днища.

От бортов к площадкам на мачтах бежали тугие плетеные лесенки (Алешка знал, что они называются «ванты»). Крошечные якоря свисали с кран-балок, и каждая балка была толщиной со спичку. Точеный штурвал размером с гривенник прикреплен был на рулевой колонке перед штурманской рубкой.

— Ой, какой замечательный! — горячим шепотом, у самой Алешкиной щеки, сказала Маша. Алешка и не заметил, как она подошла.

— Это клипер-фрегат, — тоже шепотом сказал Алешка. Он был рад, что Маше понравился кораблик.

Маша наклонилась так близко, что волосы ее защекотали Алешкино ухо. И сказала тихонько:

— Я, когда была маленькая, хотела стать моряком.

— А сейчас?

— Ну, сейчас... Я понимаю, что девочек не берут.

— Иногда берут. Я кино смотрел про это... И в журнале читал про женщину-капитана.

— Я знаю... — Маша вздохнула. — Но это трудно. Я, может быть, постараюсь... А тогда ведь я не знала, что это трудно, маленькая была.

Алешка улыбнулся:

— А сейчас?

— Что сейчас? — удивилась Маша.

— Сейчас ты, что ли, совсем большая?

— Ну, все-таки... Не в детском же садике. А тогда я ничего не понимала. Думала, что для моряка самое главное — матросский воротник. Прямо каждый день редела, у мамы платье с таким воротником просила. Добилась все-таки...

Алешка сказал чуть задумчиво:

— А у меня и сейчас есть матросский костюм. Мама купила, когда мы на юг ездили. Воротник большой такой, будто синий флаг. Как захлопает по ветру, кажется — будто крылья. Даже летать хочется... Он легонький, этот костюм, и белый, как парус.

Они целую минуту молча смотрели на тонкие батистовые паруса клипера. Марсели, брамсели, кливера висели плоско и неподвижно.

— Ветер им нужен,— сказал Алешка.

— Конечно,— шепотом согласилась Маша.— И вообще, я не понимаю. Он же корабль, а не шляпа. Как он здесь оказался?

Софья Александровна и Олимпиада Викторовна говорили о своих делах, перебивали друг друга:

— Ах, Соничка, ты должна понять: тебе необходима новая кваутива.

— Нет-нет, Липа, я не могу, я привыкла...

Алешка собрал всю свою вежливость, дождался передышки в разговоре и громко сказал:

— Софья Александровна, извините, пожалуйста. Не могли бы вы рассказать, откуда у вас эта модель?

Софья Александровна всплеснула ручками («Ах, какой славный мальчик!») и торопливо заговорила:

— Да-да, это интересная вещь. Правда, у меня она случайно. Много лет назад здесь жил квартирант, старичок, он ее и сделал. Потом он умер, а кораблик остался у меня. Очень милая вещица, хотя я в этом, конечно, не разбираюсь. Телестудия хотела купить ее для каких-то съемок, но зачем мне деньги? Я предлагала поменять на два кивера наполеоновских гусар. Они согласились, но кивера оказались ненастоящие, сплошная подделка...

Скоро гости попрощались с хозяйкой. Алешке дали высокую стопку шляп. Шляпы были рыжие от старости и едко пахли нафталином. Хотелось чихать.

— Ну, Соничка, нам поуа. Не печалься из-за Кузи, будь умницей...

— Ах, Липа...

Алешка вышел последним.

— Мальчик,— негромко позвала Софья Александровна.

Алешка медленно развернулся на месте и выглянул из-за шляп.

— Мальчик... По-моему, ты очень славный и добрый. Я тебя хочу попросить. Если ты увидишь серого кота с белой шейкой и розовой царапиной на ухе, постарайся, пожалуйста, его поймать и принеси сюда... Конечно, это, может быть, кажется смешным, но я к нему так привыкла!

Алешка не считал себя славным и добрым. У него даже в пятках покалывало от досады и неловкости, когда про него говорили такие слова. Но ему стало жаль Софью Александровну. Что поде-

лаешь, если для нее глупый кот Кузя — самый дорогой и любимый. И Алешка сказал:

— Ну что вы, это нисколько не смешно. У меня в прошлом году щенок Джульбарс потерялся, так я целый день ревел. Я постараюсь. Если увижу вашего Кузю, обязательно притащу.

Про щенка он придумал. Кроме того, глупо было бы всерьез сравнивать щенка с каким-то мяукающим Кузей. Но Алешке хотелось утешить человека.

В тот день была репетиция. Каждому гвардейцу и придворному досталась шляпа. И Алешке. Большая, с широкими полями и густыми перьями. Как у мушкетера. Но из этой шляпы выпал таракан и угодил Алешке за шиворот. Алешка чуть не заорал, потому что, по правде говоря, до чертиков боялся всякой мелкой нечисти.

Этот случай испортил Алешке настроение. А еще больше настроение испортилось, когда Олимпиада Викторовна решила репетировать последнюю сцену. В этой сцене принц находит Золушку. Ну и начинает за ней, конечно, ухаживать. Чуть ли не целоваться лезет.

Прежде чем начать сцену, Олимпиада Викторовна предложила принцу снять берет и надеть шляпу с белыми перьями.

— По-моему, это будет очень изящно: чевный костюм и севая шляпа из мягкого фетва с себевом.

— Из чего шляпа? — шепотом спросил Алешка у Маши.

— Из фетра. Почти все шляпы делаются из фетра.

— Ага.

Началась репетиция. Принц падал перед Машей на колени, примерял ей туфельку и объяснялся в любви. Олимпиада Викторовна была недовольна:

— Нет-нет! Это все не то. Мало чувства. Надо говоуить туогательно, очень туогательно, а у тебя выходит как-то легкомысленно. Получается, что у пуинца в голове ветев.

И тут Алешка довольно громко сказал:

В голове

Под шляпою из фетра

Очень много пустоты и ветра.

Свищут там

Норд-осты и зюйд-весты,

Для ума там не осталось места.

Наступила неприятная тишина. Олимпиада Викторовна медленно обернулась и сурово глянула на дерзкого нарушителя творческой дисциплины.

— У тебя оч-чень злой язык. Оч-чень. Ты мешаешь уаботать. Выйди, пожалуйста, ты не занят в этой сцене.

Алешка ушел за кулисы, сел на фанерный королевский трон, взял забытую кем-то из артистов рапиру и стал чертить на пыльном полу слово «Маша».

Репетиция кончилась.

Принц и Золушка появились за кулисами. Оба сердитые.

— Ничего не получается,— сказала Маша.

— Конечно! Из-за таких вот «поэтов»,— огрызнулся принц и мотнул белыми перьями в сторону Алешки.— Стихоплет недорезанный. Лезет под руку...

— Ты полегче,— сказал Алешка.

— А ты не указывай,— гордо возразил принц.— Раньше за такое стихоплетство человека прикалывали к стенке, как жука в коллекции.

— Ты меня на дуэль, что ли, хочешь вызвать?— спросил Алешка и обрадовался в душе.

— Был бы ты не трус, вызвал бы.

— Я трус?!— Алешка вскочил.

— Мальчишки, вы с ума сошли,— как и полагается в таких случаях, сказала Маша.

Принц изящным движением отстегнул и бросил на пол плащ. Вынул шпагу.

Алешка уперся рапирой в пол и слегка согнул клинок.

Принц бросился в атаку. Алешка закрылся от выпада и ответным ударом сбил перо со шляпы принца. Маша на всякий случай ойкнула. Принц отскочил на два шага. Потом красиво изготовился для нападения и опять ринулся в бой. Алешка сделал шаг влево, пропустил принца под клинок, развернулся и вытянул противника по худому бархатному заду. Принц взвыл, отшвырнул шпагу и ринулся к Алешке с кулаками.

В этот момент возникла Олимпиада Викторовна.

— Что здесь происходит?— грозно произнесла она.

— А чего он лезет!— хнычущим голосом заявил бессовестный принц.— Размахался тут своей шпагой.

Олимпиада Викторовна с шипением вобрала в себя воздух и сказала:

— Вон!

Она устремила на дверь отточенный палец.

— Ну и пожалуйста,— сказал Алешка.

Маша догнала Алешку во дворе, и они тихонько пошли рядом.

— Я так растерялась,— сказала Маша.— Даже не успела объяснить ей, что ты не виноват.

— Да вот еще! Больно надо объяснять!— весело откликнулся Алешка. Он был рад, что Маша идет рядом и жалеет его. Но он не хотел, чтобы очень жалела.

— Что я, не проживу без этого кружка?

— Мне там тоже не нравится,— сказала Маша.— Да и времени не хватает. У меня ведь еще музыка, гимнастика, английский язык. Но что делать? Если я уйду, не состоится премьера. Нельзя же срывать мероприятие.

— Конечно, нельзя!

Маша помолчала, вздохнула и спросила тихонько:

— А ты, значит, несколько не жалеешь, что ушел из кружка?

И Алешка, покраснев и задохнувшись от собственной смелости, вдруг выговорил:

— Жалею. Немножко... Потому что теперь буду редко тебя видеть...

После этого он не посмел взглянуть на Машу и стал разглядывать свои сандалии. Он так и не понял, улыбнулась Маша или нахмурилась. Наверно, улыбнулась. Она сказала:

— У меня через три дня день рождения. Придешь? В три часа.

— Приду, конечно!— обрадованно брякнул Алешка. И тут же испугался:— Только... Кто еще придет?

— Ой, да совсем немного народу будет! Две девчонки из нашего класса, мой двоюродный братишка—первоклассник да Андрейка Лапников. Ты его не знаешь, мы вместе в музыкальной школе учимся. Он смешной такой, толстый немножко, но зато на скрипке лучше всех играет. А то у нас магнитофон сломался. Он играть будет, а мы танцевать.

— Я не умею.

— А никто не умеет. Каждый будет как получится.

Алешка спросил хмуро и нерешительно:

— А этот... принц? Он, что ли, тоже придет?

— Да ну его,— сказала Маша.

413258

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
в Свердловск

Глава третья

Алешкин отец был археолог. Он второй месяц жил в пустыне и раскапывал старинный город. Иногда он присылал письма, в которых рассказывал про удивительные находки. Алешка и мама очень радовались этим письмам.

Когда Алешка пришел домой и увидел, что мама чем-то обрадована, он сразу спросил:

— Письмо от папы?

Но мама сказала:

— Нет, у меня другая новость. Завод посылает меня в Ленинград, в командировку на десять дней. Я решила взять тебя с собой!..

Мама удивилась, что Алешка не заорал «ура» и не запрыгал от радости.

— Ты не рад?

Разные бывают мальчишки. Кое-кто на Алешкином месте стал бы изворачиваться и придумывать отговорки. А другие решили бы, что никакая девчонка не стоит того, чтобы отказываться от поездки в Ленинград. Но Алешка сказал:

— Понимаешь, мама, есть одна девочка. Через три дня у нее день рождения. Она меня позвала в гости.

Мама тоже бывают разные. Алешкина мама не обиделась и не рассердилась.

— Ну что ж... Придется опять просить тетю Дашу, чтобы присмотрела за тобой.

Тетя Даша жила в соседней квартире. Она была на пенсии. Когда Алешку приходилось оставлять одного на несколько дней, родители просили тетю Дашу «присмотреть». Она охотно соглашалась. Алешка тоже соглашался, хотя про себя считал, что все это зря — он сам не маленький.

К вечеру мама собралась на вокзал. Конечно, она дала Алешке множество советов и указаний, как жить самостоятельно. Последний совет был такой:

— Когда пойдешь на день рождения, постарайся выглядеть прилично.

— Это как?

— Сходи в парикмахерскую, постриги свои космы. Вымой как следует шею. Оденься как полагается.

— А как полагается? — озабоченно спросил Алешка. До сих пор

он об этом не думал. А в самом деле, что надеть? Школьная форма — слишком скучный костюм для праздника, да и досталось ей за год — пузыри на коленях, дырка на локте. В любимых потрепаных джинсах и спортивной рубаше тоже не пойдешь — это не футбол во дворе гонять.

— Надень матросский костюм.

— М-м... — с сомнением сказал Алешка.

— А что?

— Ну... я в нем выгляжу моложе своих лет.

Мама засмеялась, поцеловала Алешку и уехала.

А он задумался.

Вот ведь как осложняется жизнь, когда тебя зовут на день рождения. Надо думать о «парадной» одежде. Надо (Алешка вспомнил!) заботиться о подарке. Ну, подарок — это ладно. Можно подарить, например, четырехцветную авторучку. Можно, в конце концов, отдать свой самодельный пистолет с резинкой, который стреляет проволочными пулями, — он с виду почти как маузер. А как быть с костюмом?

Когда первый раз идешь в гости к девочке, в которую ты... ну, в общем, которая тебе нравится, хочется выглядеть солидно и мужественно. А матросский костюмчик, пожалуй, слишком детский... Однако он все-таки самый красивый у Алешки. Вот и решай тут.

Чтобы не решать вслепую, Алешка отыскал в шкафу среди одежды плечики, на которых с прошлого года висела матроска и короткие штаны с голубым узким ремешком. Переоделся и встал перед зеркалом...

Вот от таких пустяков зависит сказка. Если бы мама не сказала Алешке самые обычные слова — «постарайся выглядеть прилично», он бы и не встревожился в этот вечер. И, как все нормальные мальчишки, носился бы сейчас во дворе, а не вертелся бы перед зеркалом. Не разглядывал бы матроску. И не заметил бы, что медный якорек на рукаве слегка оторвался. И не стал бы его рассматривать внимательно. И не вспомнил бы вдруг, что почти такие же якоря были у модели клипера. Не вспомнил бы про кораблик!

Но он вспомнил.

Если бы это было ярким днем, среди шума, игры или спеш-

ных дел, ничего бы и не случилось. Но был вечер, по радио передавали печальную музыку (да к тому же мама уехала на целых десять дней), и, наверно, поэтому воспоминание о клипере тоже было печальным. «Костюмные» заботы перестали беспокоить Алешку. Он выключил свет, забрался на диван и стал думать о кораблике. Как он стоит в сумерках в углу на комод, среди пыльных шляпок. Софья Александровна, конечно, сидит у окна и вздыхает о пропавшем Кузе, а под обоями шелестят тараканы. И никому дела нет до того, что маленький, но почти настоящий клипер тоскует о море.

Это было неправильно. Несправедливо!

Разве для этого строил старый моряк свой клипер-фрегат? Для пыльного комода?

В комнате стоял полумрак, а окошко было светлым, и в нем виднелись черные телевизионные антенны соседних домов. Антенны были немного похожи на мачты клиперов. За одну из них зацепился маленький месяц.

Алешка думал о кораблях, о мастере, и постепенно у него складывались стихи: «Жил-был где-то мастер-корабельщик... Строил удивительные вещи...»

Это сначала. А потом получилось вот что:

Жил-был старый корабельный мастер,
Молчаливый, трубкою дымящий.
И однажды сделал он кораблик —
Крошечный, но будто настоящий.
Был фрегат отделан словно чудо,—
От бизани до бушпритной сетки...
Но усталый старый мастер умер,
И корабль остался у соседки.

Так Алешка начал свою «Песню о клипере». Он удивился, как легко нашлись нужные слова:

Среди шляпок, старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра,
Как он жил там — парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?..

У Алешки даже в горле заскребло, когда он сам себе прошептал эти строчки.

В самом деле, «как он жил там»? Разве место кораблю среди побитой молью рухляди? Ему стоять бы в капитанской каюте, у иллюминатора, за которым — все моря и страны. Или в квартире у

старого моряка, где на стенах карты, штурвалы и пестрые индейские маски. Или на столе у писателя, который пишет о путешествиях. Или в комнате у мальчишки, который очень хочет стать капитаном. Даже не обязательно у мальчишки. Многие девчонки тоже любят приключения. Вот и Маша мечтала стать моряком. Да и сейчас мечтает, наверно.

Конечно, мечтает!

Вот бы ей такой кораблик...

Вот бы ей этот кораблик!

Алешка даже задрожал от волнения, такая это была мысль.

Конечно, клипер — самый лучший подарок для Маши! В самом деле, зачем ей четырехцветная авторучка или самодельный пистолет? А парусник — это как сказка...

Только сказка-то — чужая.

«Зачем клипер старушке? — с досадой думал Алешка. — Она на него внимания не обращает. Говорит: случайная вещь. Подумать только: для нее этот клипер — случайная вещь!»

Теперь Алешка ни о чем другом не мог уже думать. Потому что получалась ужасная несправедливость: чудесный кораблик стоял никому там не нужный, а самая лучшая на свете девчонка не могла получить его в подарок.

А как бы она была счастлива! Алешка представил сияющие Машины глаза и будто услышал ее слова: «Ой, Алешка! Ой, какое чудо!»

Он даже завертелся на диване от всех этих мыслей.

А что делать? Может быть, пойти к Софье Александровне и попросить, чтобы продала кораблик? Но старинная модель — не авторучка, а у Алешки всего пять рублей.

Может быть, лучше все по-честному объяснить ей? Вдруг она поймет и подарит клипер.

Алешка вздохнул. Нет, не решится он на такой разговор. И не сумеет ничего рассказать. Он и себе-то не может как следует объяснить, почему Маша — самая хорошая. И почему ей обязательно нужен кораблик. Он просто это чувствует.

Да и станет ли слушать Алешку Софья Александровна? Ведь у нее на уме одни коты да шляпы.

Шляпы...

Шляпы!

Алешка подскочил так, что пружины дивана взвизгнули и долго потом звенели. Он вспомнил!

В том доме, где Алешка жил раньше, живет и сейчас знакомый мальчишка — Владик Васильков. Он два года назад приехал из старинного города Таллина. В этом городе множество домов с высокими печными трубами. А там, где трубы, не обойтись без трубочистов. Трубочисты в Таллине — знаменитые люди. И шляпы у них тоже знаменитые — высокие черные цилиндры. Владька рассказывал, что у него есть такой цилиндр. Будто бы ему, Владьке, отдал эту шляпу знакомый трубочист. Владька Васильков — человек сговорчивый. Он, пожалуй, согласится променять шляпу на четыре марки с африканскими рыбами и хороший ножик с пятью лезвиями и отверткой.

У Софьи Александровны полно всяких шляп, но такого цилиндра Алешка не заметил. Наверно, его в коллекции нет. Завтра же, рано утром, Алешка помчится добывать эту драгоценную шляпу. А потом придет к Софье Александровне и очень вежливо скажет: «Извините, пожалуйста. У вас есть кораблик, он вам совсем не нужен. А у меня есть редкая шляпа, она мне тоже не нужна. Вас интересуют шляпы, а меня — модели. Давайте поменяемся. От этого только польза будет...»

Конечно, тут надо набраться смелости, потому что это не с мальчишками меняться. Но Алешка наберется. Ради Маши. И ради того, чтобы выволить клипер из плена. Он должен спасти корабль!

С такой мыслью Алешка заснул.

А ночью ударила гроза. Алешка проснулся, но не от грома и вспышек, а от холодных брызг. Их занес в окошко ветер. Парусом вздувалась штора.

Алешка подскочил к окну, чтобы захлопнуть его, но тут вдруг так сверкнуло и трахнуло, что он замер. Не от испуга, а от красоты.

При голубой вспышке он увидел, как хлещет ливень и мчатся по асфальту потоки, белые от пены. Казалось, что началось наводнение. Еще раз блеснула молния, и тополя словно зажглись изнутри зеленым светом. Ветер и потоки ревели и трубили. Была в грозе такая удаль и такая сила, что Алешке не захотелось закрывать окно. Пусть надувается штора, пусть качается лампа у потолка, пусть в шкафу звенят с перепугу тонкие стаканы. Он только взял с вешалки старый мамин плащ и укрылся им на диване, чтобы колючие брызги не сыпались на руки и ноги.

Молнии загорались часто, и потолок от них делался голубым. Хлестала и бурлила за окном вода.

«Загудели влажные зюйд-весты,— подумал Алешка,—

Водяной стеною ливень рухнул...» — И он уснул под шум воды.

Глава четвертая

Утро было солнечное и влажное. На асфальте блестели лужи и валялись ветки кленов, обломанные грозой. Налетал ветерок. И когда Алешка вышел из подъезда, синий воротник у него за спиной встрепенулся и захлопал, как праздничный флаг. Алешке стало весело и показалось, что сегодня обязательно случится необыкновенное.

Алешка зашагал к Владу Василькову за шляпой трубочиста.

Но бывают события, из-за которых летят вверх ногами все планы. Алешка прошагал два квартала и услышал мяуканье. Сиплое и протяжное. На большом тополе, почти у верхушки, сидел серый кот. Он был мокрый и поэтому казался очень тощим и несчастным. Наверно, злые собаки загнали кота на дерево еще вчера, и бедняга сидел там всю ночь под грозой и ливнем. Забрался с перепугу, а слезть боится.

Алешка прищурился и разглядел на кошачьем ухе здоровенную розовую царапину. Он чуть не взвизгнул от радости: «Кузя!» Теперь, пожалуй, не нужен был цилиндр трубочиста. Получив ненаглядного Кузю, Софья Александровна обязательно захочет наградить спасителя. А она ведь видела, как Алешка не мог оторваться от клипера. И что, в самом деле, для нее этот клипер по сравнению с Кузей?!

Не надо думать про Алешку плохо. Если бы не было никакого кораблика, он бы, конечно, все равно не прошел бы мимо несчастного кота. Но сейчас Алешка особенно старался и спешил. Он скинул сандалии и с разбегу атаковал мокрый ствол тополя. Подъем начался хорошо. Ствол был наклонный, шероховатый, и Алешка легко добрался до половины тополя. Правда, колени ободрал, а матроска на животе промокла и помялась, но это была чепуха.

Потом ствол разветвился, и до Кузи пришлось ползти по

скользким сучьям. Алешка дополз. Хотел аккуратно взять Кузю. Глупый кот зажмурился и протяжно завопил. Когтями он намертво вцепился в кору. Делать нечего. Алешка ухватил Кузю за шиворот и стал отдирать от коры. Кузя отодрался, но тут же вцепился в Алешкино плечо. Алешка тихо взвыл и скатился с тополя почти кубарем.

Внизу ждали болельщики.

— Геройский парнишка,— сказал высокий дядька с усами.

— Намучился котик-то,— вздохнула тетушка в цветастой кофте.— И хозяев, поди, нет у бедняжки?

«Бедняжка», почуяв близость земли, ослабил когти, но все еще сидел зажмурившись и прижав уши.

— Знаю я хозяйку,— буркнул Алешка, нащупывая ногами сандалии. Исцарапанное плечо и колени болели.

«Ладно,— подумал он.— Зато есть доказательства, что я эту скотину с большим трудом достал, даже с риском».

И, шлепая незастегнутыми сандалиями, Алешка потащил Кузю к домику Софьи Александровны.

Домик был пуст. Стекла оказались выбиты, дверь перекошена, труба над крышей рассыпалась. Углы совсем скособочились, из щелей в мокрых стенах торчала пакля.

Ничего не понимая, Алешка заглянул внутрь. В опустевших комнатах стояла темная вода. В ней плавали обрывки бумаги и трехногий стул.

Алешка прижал к груди обмякшего от переживаний Кузю и стал обходить домик со всех сторон.

Видно было, что ночной ливень бушевал здесь вовсю. Потoki подмыли землю и сдвинули домик к оврагу. На склоне оврага, там, где вода ночью устремлялась вниз, вырваны были напрочь кустарники.

У самого обрыва на перевернутом ведре сидела девочка лет восьми с прямыми длинными волосами пшеничного цвета. Она держала на коленях лупоглазую куклу и тихонько пела странную песню:

Вырастет за городом
Лес-трава.
Ты в лесу не бойся
Ни волка, ни льва.
Только серой мыши

Бойся иногда.
С серой мышью в сказку
Приходит беда...

— Послушай,— окликнул Алешка.— Что тут случилось? Где Софья Александровна?

Девочка подняла на Алешку прозрачные глаза.

— Что случилось?— повторила она певучим голоском.— Дом водой подмыло, дождем затопило. Беды понаделало — ой-ей-ей. А Софью Александровну на новую квартиру племянник увез. Он ее давно звал, да все сговорить не мог. А теперь-то уж и сговаривать не пришлось. Рано утречком приехал на машине, погрузил все добро, да и поехали. Дом-то скоро в овраг сползет...

От нехорошего предчувствия у Алешки засосало под сердцем.

— А имущество?— спросил он.— Ничего не пострадало?

Девочка вздохнула:

— Ну как не пострадало!.. Тумбочку водой унесло, две испанские шляпы. Да еще кораблик маленький. Хороший такой. Ящик стеклянный от него остался, а самого нет...

«Так я и знал!»— с отчаянием подумал Алешка.

А девочка продолжала:

— Софья Александровна так переживала из-за шляп. И кораблик жалела. Тумбочку нисколечко не жалела, а кораблик — очень. Говорит: «Лучше бы я его тому мальчику подарила».

От удивления Алешка опустил руки, и Кузя шмякнулся на землю. Алешка машинально подхватил его опять.

— Ой, да это Кузенька!— обрадовалась девочка.— Я и не узнала. Нашелся, мой хорошенький. Давай, мальчик, я его Софье Александровне отнесу. Вот обрадуется!

Она встала, положила куклу на ведро, выпрямилась. Маленькая такая, тонкая, в синем выгоревшем платице с белыми кружочками. И Алешке вдруг показалось, будто он видел ее где-то уже, только вспомнить не может. Он протянул девочке кота, и Кузя замурлыкал у нее на руках.

— А какому мальчику она хотела подарить кораблик?— спросил Алешка, чуть не плача от огорчения.

— Тому, который у нее вчера был. Какому же еще? Других она не знает.

— Вот что,— сказал Алешка,— спущусь-ка я в овраг. Может, кораблик в кустах застрял. Не мог он далеко уплыть.

Он ступил на край обрыва и взялся за куст.

Девочка торопливо остановила:

— И не думай. Только в глине перемажешься да обдерешься. И ничего там нет. Софьи Александровнин племянник туда в резиновых сапогах лазил, шляпы искал да все остальное. И ничегошеньки. Ручьем унесло.

— А вдруг найду...

— Что уплыло, не догонишь,— возразила девочка тихо, но так уверенно, что Алешка остановился.

— Почему?

— А вот потому...

«Ну ее,— подумал Алешка.— Спущусь, поищу».

— Постой, Алеша,— сказала девочка.

Он удивился:

— Ты разве меня знаешь?

— Немножко,— хитровато ответила она.

Непонятно все это было. И почувствовал Алешка беспокойство и надежду. Он подошел к девочке:

— Послушай... А может, знаешь ты, где кораблик искать?

— Не-а,— откликнулась она. Поглядела на Алешку серьезно, подумала и вдруг сказала:— Не знаю. А узнать помогу

Алешка усмехнулся:

— Ты что, колдунья?

— Маленько,— сказала девочка без улыбки.

Алешка сказал слегка насмешливо:

— Ну, давай.

— Ты иди на угол Первомайской и Садовой. Там есть справочное бюро...

— Там есть сапожная будка. И больше ничего,— перебил Алешка.— Не дури мне мозги.

Девочка не рассердилась и не обиделась.

— Ты послушай. Это смотря для кого. Для одних сапожная будка, для других справочное бюро. Работает в нем старичок. Он знает все-все на свете.

— А ты откуда знаешь про старичка?

— Это же мой дедушка.

— Он, конечно, тоже колдун?— спросил Алешка не без ехидства.

— Конечно,— строго сказала девочка.— Только он не любит, когда к нему лезут с вопросами. Надо знаешь как спрашивать? Придешь в будку, постоишь просто так, а потом говори, будто

сам с собой. Ну, например: «Интересно, где бы мне раздобыть ковер-самолет?» Если у дедушки хорошее настроение, он ответит.

— А если плохое?

— Ты не бойся. У него сегодня хорошее.

— Интересно...— сказал Алешка.— А с чего это вдруг ты взялась мне помогать?

У девочки порозовели кончики ушей, но смотрела она все так же прямо и серьезно.

— Потому что ты красивый и смелый,— тихо сказала она.

— Я?!— обалдело переспросил Алешка.

— Конечно. Даже не побоялся на такую высоту за Кузей лезть. Вон, исцарапался весь, а все равно...

— Да ну тебя,— пробормотал Алешка.— Я с тобой по-хорошему, а ты дразнишься.

— Не-а,— сказала девочка. Прижала Кузю к ситцевому платьицу и убежала.

«Смелый— это еще туда-сюда,— думал Алешка.— Но красивый... Надо же выдумать такое!» Потом он вспомнил правдивые глаза девочки и поверил. Не тому, конечно, что он красивый, а рассказу про справочное бюро и дедушку. И решил: «Попробую».

Будка была низенькая, сколоченная из облезлой фанеры. Легонькая. Даже удивительно, что ее не смахнула с места ночная гроза. Дверца оказалась открыта, и Алешка вошел.

В углу, отгородившись широкой доской, как прилавком, сидел сухощавый старичок в черном берете с хвостиком. На круглом носу — очки, на щеках — седая щетина. Перед старичком на тонкой железной «лапе» висел ботинок. Старичок тюкал по ботинку молотком и тихо бормотал.

— Здравсте...— робко сказал Алешка.

Старичок не откликнулся.

«Ну и ладно»,— подумал Алешка обиженно и стал оглядываться. Внутри будки все было обыкновенно: полки с деревянными колодками и башмаками, вырезанные из «Огонька» картинки, старый табель-календарь. В углу тикали кособокие ходики, у которых вместо гири висел ржавый большой замок.

Глядя на этот замок, Алешка проговорил, будто между прочим:

— Интересно бы узнать, можно ли найти маленький кораблик, если его унесло потоком и никто не знает куда?

Алешка услышал, что старичок перестал колотить по ботинку и хмыкнул.

— Твой, что ли, кораблик-то?

Алешка растерялся. Конечно, клипер не его. Но ведь Софья Александровна все равно хотела подарить модель ему...

— Мой... почти,— сказал Алешка. И украдкой взглянул на старичка.

Тот смотрел не сердито, даже улыбался.

— Почти? — спросил он.

«Все знает»,— подумал Алешка, и стало ему очень неловко.

— Ну... не совсем,— начал объяснять он.— Но ведь этот кораблик сейчас все равно ничей, раз его бросили... По морским законам даже настоящий корабль, если его бросают, может стать призом того, кто его найдет.

Старичок дребезжаще засмеялся:

— Ишь ты, морской волк. Прямо адмирал Нахимов... А с чего это ты решил меня про такое дело расспрашивать? Или надоумил кто?

— Внучка ваша,— неохотно сказал Алешка.

— А-а... Ты, Алеша, видать, приглянулся ей?

— Еще чего! — воскликнул Алешка и почувствовал, что краснеет.

— Ну-ну, не петушись,— усмехнулся старичок. И сказал:— Кораблик найти можно, да путь далекий... Ручьем унесло, говоришь? Все ручьи в реки бегут, все реки в море текут. А на берегу самого синего моря стоит город Ветрогорск. А в городе есть Музей Удивительных Морских Открытий и Кораблей. Иначе — просто Корабельный музей. И всеми делами там ведает Хранитель музея. Много у него дел, а самое любимое — собирать модели кораблей. И такой он мастер, такой любитель маленьких кораблей, что есть у него просто удивительная способность: ни одну модель не упускает, притягивает как магнит. Где бы какой кораблик ни потерялся, куда бы ни унесло его волнами, обязательно доплывет до Ветрогорска. Будто есть какое-то чувство особое у этих маленьких кораблей. Вроде как у перелетных птиц. Скажем, упустили вчера мальчишки свою игрушечную бригадину, а сегодня она, глядишь, уже в музее у Хранителя... Ищи, если хочешь, только дорога не близкая.

— Прямо сказка получается,— сказал Алешка.

— А как же! — охотно откликнулся старичок.— Сказка и есть.

— Настоящая?

— А вот это не знаю...— Старичок поглядел внимательно и даже строго.— Не знаю, Алеша. Это как у тебя получится. Смотри сам.

— Но... что же смотреть? Что должно получиться?

— А ты вспомни-ка, Алеша. Все настоящие сказки про одно: как человек ищет человека. Братец Иванушка — сестрицу Аленушку. Руслан — Людмилу, Иван-царевич — Василису Премудрую. А маленький Звездный мальчик свою матушку ищет, которую злой колдун унес.

— Это верно. И в «Снежной королеве» Герда ищет Кая.

— Да. А принц — Золушку.

Напоминание о принце не понравилось Алешке. И от досады он решил возразить старику:

— Не во всех сказках так. Некоторые Иваны-царевичи, например, какое-нибудь перо Жар-птицы ищут или еще что-нибудь. А принцы тоже всякие бывают...

— Это верно. Только ведь перо-то Жар-птицы зачем? Не для себя они его добывают, а все для того же — чтобы в конце сказки любимую от беды спасти. Или хорошего друга отыскать.

— Но ведь и я кораблик не для себя ищу,— сказал Алешка немного обиженно.— Я подарить его хочу... хорошему другу... То есть она не знает еще, наверно, что я настоящий друг. Но я очень хочу подружиться.

— А разве нельзя без кораблика?

— Конечно, можно! Вы думаете, что я за кораблик хочу дружбу добыть? Просто у нее день рождения, а клипер — самый лучший для нее подарок! Знаете, как она обрадуется?

— Это хорошо, если обрадуется,— задумчиво сказал старичок. И добавил торжественно: — Радость для человека — очень важная вещь... Что ж, попробуй, Алеша, раз так решил. Я дам тебе совет.

— Спасибо!

— Спасибо, Алеша, говорят в конце сказки. А пока слушай. Тебе нужен билет до Ветрогорска...

— Да!

— Ты ступай в Транспортное агентство, туда, где кассы для поездов, самолетов, автобусов, ковров-са... Кха... В общем, для всего на свете.

— Это на Первомайской улице?

— Нет, это другие кассы. На улице Полярных Капитанов.

Алешка и не слышал про такую улицу.

— Где это, дедушка?

— А, не знаешь? — хитро сказал старичок. — Слушай. Пойдешь по Садовой до конца, там будет старый стадион...

— Ага! Мы зимой там военную игру устраивали.

— Ну вот. Ты его не обходи, а найди в заборе щель. И шагай напрямик. А как стадион-то перейдешь, да в другую щель вылезешь, там и будет улица Полярных Капитанов. А кассы — в доме номер двадцать два, по левую руку... Ну, ступай.

— Спасибо!

— Ты подожди со спасибо-то. Ты послушай еще. Если где в пути что-нибудь опасное встретишь, случай непонятный какой-нибудь или, скажем, загадку, ты от этого дела не беги. Сказка без этого не обходится. Ну и о главном не забывай, шагай себе смело.

— Ладно. Я пойду.

— Иди, Алеша. Да постарайся ничему не удивляться.

Глава пятая

Алешка сразу поверил, что будет сказка. Ведь он был поэт, хотя и маленький. А все поэты — и маленькие, и большие — в глубине души верят в сказки.

Но улица, по которой он шел, была очень обыкновенная. Проезжали мимо обыкновенные автобусы, шли навстречу обыкновенные люди, прокатила вдоль асфальта обыкновенная поливальная машина и обдала всех брызгами. Прохожие обыкновенно заругались ей вслед. И забор у стадиона был обычный — старый, из неструганых серых досок.

Одна доска оказалась оторванной, и Алешка пролез в щель (тоже обыкновенное дело). Он отыскал проход под разошедшимися деревянными трибунами и вышел на поле.

Стадион был старый, давно уже на нем не проводились игры. Поле заросло высокой травой.

В траве паслись лошади. Белые, гнедые и вороные. Они бродили далеко, но едва Алешка ступил в траву, как все они подняли головы. Будто по сигналу. И стали смотреть в Алешкину сторону. Ему даже не по себе стало. Он задержал шаги. Тогда золотисто-коричневая лошадь, осторожно ступая, направилась к Алешке и остановилась в трех шагах. У нее была красивая, гордая голова и

добрые глаза. Лошадь посмотрела на Алешку вопросительно и немного печально. И он понял ее. Не услышал, а именно понял. Она спрашивала:

«Простите, пожалуйста, вы не тот мальчик, который ищет коня, чтобы скакать в Тридевятое царство?»

«Вот это да! Начинается», — с легким замиранием подумал Алешка. А вслух сказал:

— Нет. Понимаете, у меня другая дорога.

«Извините», — вздохнула лошадь и медленно отошла.

Другие лошади сначала выжидательно смотрели на нее, а потом принялись щипать траву.

Над стадионом повисла тишина — стеклянная, звонкая. В ней прятались тайны и стрекотали кузнечики. Кузнечиков было множество. Они прыскали во все стороны, когда Алешка раздвигал ногами шелковистую траву.

Алешка перешел поле, отыскал в заборе дыру и оказался на улице Полярных Капитанов. Улица была тихая, незаметная, с одноэтажными и двухэтажными домами.

Дом номер двадцать два тоже был старый. Его построил, наверно, в прошлом веке какой-нибудь купец. Вверху у купца было жильё, внизу — магазин.

Над парадной дверью, на чугунной решетке балкона, Алешка увидел длинную голубую вывеску:

ТРАНСПОРТНОЕ АГЕНТСТВО

В окнах первого этажа пестрели плакаты Аэрофлота и висела на капроновой леске модель самолета «Ил-62».

Алешка надавил плечом тяжелую дверь.

Внутри все было обыкновенно. И пусто. Под потолком лениво вертелся большой вентилятор. На стенах — расписания самолетов и поездов. Табличка: «У нас не курят». Написанное красным карандашом объявление — про какие-то экскурсии. Алешка пригляделся. И у него холодок пошел по спине.

ЗАЯВКИ НА ЭКСКУРСИИ

НА КОВРАХ-САМОЛЕТАХ

НЕ ПРИНИМАЮТСЯ

ДО 15 АВГУСТА.

Администрация

У дальней стены стоял высокий барьер с окошечками. Окошечки были закрыты. Лишь в одном, с номером два, была заметна щель. Алешка подошел, вздохнул, набираясь храбрости, и постучал.

Окошко распахнулось, и показалась голова кассирши.

Алешка оробел еще больше: кассирша очень похожа была на учительницу географии Клавдию Михайловну. Такая же гладкая седая прическа, строгие очки и внимательные глаза. Когда на Алешку смотрели такими глазами, он чувствовал себя прозрачным.

— Я тебя слушаю,— сказала кассирша.

— Извините... Мне сказали, что здесь можно купить билет до Ветрогорска.

У кассирши слегка поднялись брови.

— Можно... Но любопытно узнать, кто тебе это сказал?

— В справочном бюро. То есть это не совсем справочное бюро, а такая будочка. Там дедушка работает...

Глаза у кассирши подобрели.

— Понимаю. Дедушка. Значит, у тебя важное дело в Ветрогорске?

— Да!

— Хорошо. На твое счастье, остался еще один билет. На сегодняшний поезд. Поторопись, отправление через тридцать пять минут.

— А сколько стоит билет? — спохватился Алешка. Он только сейчас сообразил, что мама оставила ему на личные расходы всего пять рублей. Вдруг не хватит?

— Четыре рубля девяносто копеек. Общее место. Придется ехать без плацкарты.

Алешка обрадованно кивнул и полез в карман за деньгами.

Денег не было. Мало того — на привычном месте не было и кармана. И Алешка понял: он же переоделся вчера вечером, а деньги остались в кармане старых брюк.

— Мальчик, что с тобой? У тебя такое лицо...

— Деньги забыл,— шепотом сказал Алешка.— Теперь уж ни за что не успеть.

Кассирша тоже расстроилась:

— Ну какие же вы рассеянные, мальчишки! Несобранные. Недисциплинированные. И когда это кончится?

Алешка молча стоял у окошечка, хотя стоять было уже бесполезно.

— Ну что с тобой теперь делать? — сказала кассирша.

У Алешки появилась надежда.

— Расскажи, какое у тебя дело в Ветрогорске, — велела кассирша.

Алешка почувствовал, что уши у него стали теплыми. И наверно, розовыми.

— Ну... есть одна девочка. У нее день рождения скоро... А в Ветрогорске есть музей...

Кассирша чуть заметно улыбнулась.

— Ясно. Это — особый случай. Тебе необходим Зеленый билет на все виды транспорта туда и обратно. Ведь тебе послезавтра нужно вернуться.

Алешка огорченно пожал плечами. Не все ли равно? Денег-то нет. Ведь особый билет наверняка стоит еще дороже простого.

— У Зеленого билета нет постоянной цены, — объяснила кассирша. — Но стоит он очень дорого: ровно столько, сколько у пассажира есть с собой денег. До последней копейки... Есть у тебя хоть сколько-нибудь?

Алешка торопливо запустил пальцы в боковой карманчик у пояса и нащупал трехкопеечную монетку. Она лежала там с прошлого года. Тогда, в Крыму, Алешка все серебряные монетки бросил на прощание в море, а эта — медная — осталась.

— Вот... — нерешительно сказал Алешка. — Но это ведь...

— Давай, — перебила кассирша. Потом гроыхнула тяжелым компостером и подала Алешке кусочек зеленого картона.

— Билет действителен до четырех часов послезавтрашнего дня.

— Спасибо! До свидания! — крикнул Алешка и кинулся от кассы.

— Мальчик! Подожди!

— Но ведь поезд...

— Не спеши. Поезд теперь тебе не нужен... Отсюда, переулками, мимо старой церкви и кинотеатра «Космос», ты выйдешь на улицу Дальнюю...

Алешка кивнул. Про улицу Дальнюю он не слышал, но кинотеатр «Космос» знал.

— Ты пойдешь по этой улице до конца. Когда она кончится,

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ.

Повесть-сказка 3

ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД. *Повесть*

Часть первая. НОВЭМБЭР ЧАРЛИ 107

Часть вторая. ТИМСЕЛЬ – ОРАНЖЕВЫЙ ПАРУС 185

Часть третья. ЦЕПЬ 254

ПОБЕДИТЕЛИ. *Рассказы*

Гвозди 329

Остров Привидения 350

Воробьиная ночь 371

Победители 384

След Каравеллы 384

Литературно-художественное издание

Библиотечная серия

для младшего и среднего школьного возраста

Крапивин Владислав Петрович

ИЗБРАННОЕ

ТОМ II

Ответственный редактор Р. Н. Ефремова
Художественный редактор Г. Ф. Ордынский
Технический редактор Т. Д. Юрханова
Корректоры Е. А. Сукьяси, Е. И. Щербакова

ИБ № 11059

Слано в набор 21.12.88. Подписано к печати 15.05.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1.
Усл. печ. л. 25,0. Усл. кр.-отг. 25,5. Уч.-изд. л. 23,42. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1145.

Цена 1 р. 40 к.

Ордене Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».